

УДК 343.21

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(5).782-790

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КРИМИНАЛЬНОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.В. Акимова*Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

20 августа 2018 г.

Дата принятия в печать

7 октября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

31 октября 2019 г.

Ключевые слова

Уголовная политика; уголовное право; преступность; православная этика; христианство; нравственность; идеология; либерализм

Аннотация. В статье рассматривается проблема идеологических основ правовой политики в отношении криминальной сферы российского общества. Автор отмечает, что, несмотря на оптимистичные криминологические показатели, фиксируемые официальной статистикой, делать вывод о стабилизации криминальной ситуации в стране представляется преждевременным. Подчеркивается, что далекое от желаемого состояние правопорядка в современной России во многом обусловлено отсутствием грамотной уголовной политики. Оценивая современное положение российской уголовной политики как кризисное, автор акцентирует внимание на том, что этот кризис в первую очередь — идеологический, идейный. В статье констатируется, что в настоящее время в России вопрос формирования любой политики, в том числе и уголовной, обострен вследствие поляризации мнений по поводу того, должен ли данный процесс идти на основе коренной модернизации ее идеологических основ либо ее необходимо выстраивать на национальном фундаменте с учетом сложившихся традиций. В данном контексте автор отмечает, что российское государство исторически возникло на системе обязанностей, возложенных на личность, и до сих пор продолжает существовать на идее обязательств и (или) системе евангельских заповедей. Однако сегодня эта фундаментальная основа размывается ценностями бесконтрольного либерализма, который не только утверждает вседозволенность во всех жизненных сферах, но и навязывает такую идеологию в качестве единственно возможной. Данный путь, по мнению автора, абсолютно неприемлем в условиях России, так как в отличие от западной цивилизации, успешно заменившей мораль правом, православная цивилизация всегда отдавала приоритет нравственным нормам. На основании изложенного делается вывод о том, что, формулируя положения правовой политики в отношении криминальной сферы современной России, целесообразно опираться на присущие ей национальные особенности, а идеологические основы не должны противоречить базовым ценностям, сформировавшимся в обществе на протяжении тысячелетий. Такой подход позволит оказать благотворное влияние на правосознание граждан и снизить уровень правового нигилизма, серьезно препятствующего эффективному применению закона.

TO THE QUESTION OF BUILDING AN IDEOLOGICAL BASIS OF THE LEGAL POLICY FOR THE CRIMINAL SPHERE OF RUSSIAN SOCIETY

Natalia V. Akimova*All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, the Russian Federation*

Article info

Received

2018 August 20

Accepted

2019 October 7

Available online

2019 October 31

Abstract. The article examines the ideological basis of the legal policy for the criminal sphere of Russian society. The author notes that, in spite of optimistic criminological indices found in official statistics, it is too early to conclude that the criminal situation in the country is stable. It is stressed that the situation with law and order in modern Russia is far from ideal due to, largely, a lack of a sound criminal policy. The author assesses the contemporary condition of Russian criminal policy as a crisis and stresses that this crisis is, primarily, an ideological one. The paper states that in today's Russia the question of developing any policy, including criminal policy, is very sensitive due to the polarization of opinions as to whether this process should rely on a radical modernization of its ideological basis or it should use national foundations while taking into account the existing traditions. Within this context, the author notes that the Russian state was historically based on a system of obligations placed on a

Keywords

Criminal policy; criminal law; crime; Orthodox ethics; Christianity; moral; ideology; liberalism

person, and it still uses the idea of obligations and (or) the system of the Gospel's Commandments. However, today this fundamental basis is eroded by the values of uncontrolled liberalism, which not only dictates permissiveness in all spheres of life, but also imposes this ideology as the only one possible. The author believes that this path is absolutely unacceptable for Russia because, unlike the Western civilization, that has successfully replaced morals with the law, the Orthodox civilization has always given priority to the moral norms. Based on the presented material, the author concludes that, while formulating the clauses of criminal legal policy in contemporary Russia, it is necessary to rely upon its specific national features, and that the ideological basis should not contradict basic values that have been developing in the society for thousands of years. This approach will benefit the lawfulness of citizens and will reduce the level of legal nihilism, which is a serious obstacle for the effective use of law.

Проблема преступности остро стоит во всех странах, но подходы к ее решению достаточно вариативны и отличаются определенной спецификой (как, впрочем, и сама она). Современное состояние криминальной сферы общества в целом характеризуется процессами глобализации и интернационализации преступности при одновременном сохранении существенных различий в ее состоянии и структуре, которые в немалой степени обусловлены национальными особенностями традиционных подходов к определению криминального поведения и выбору средств его нейтрализации. Так, в русле процессов глобализации и интернационализации преступности все активнее проявляет себя транснациональная организованная преступность, криминальная деятельность которой не имеет существенных различий, будь то итальянская мафия, китайские триады либо доморощенные ОПГ. Вместе с тем даже поверхностное ознакомление с состоянием криминальной сферы в различных странах показывает ее существенные различия. Например, по уровню убийств ФРГ вчетверо опережает Японию; преступное причинение вреда здоровью в КНР регистрируется почти в 200 раз реже, чем в США; уровень корыстной преступности в государствах Европы на порядок превышает соответствующие показатели в мусульманских странах; показатели наркопреступности в Швеции более чем в 5 раз выше аналогичных индексов в Голландии [1, с. 48].

Состояние преступности в постсоветской России характеризуется тотальной криминализацией общества. Так, она с результатом 14,2 прочно удерживает третье место среди стран G20 по количеству зарегистрированных убийств на 100 тыс. населения. В связи с этим неудивительно, что в современной России проблема преступности привлекает большое внимание как специалистов, так и населения в целом. Несмотря на то что в последние годы официаль-

ная статистика фиксирует устойчивое снижение многих показателей преступности, нам представляется преждевременным делать вывод о стабилизации криминальной ситуации. Так, хотя в 2017 г. было зарегистрировано преступлений на 4,7 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года, только в 27 субъектах РФ наблюдалось снижение количества зарегистрированных преступлений, в 58 субъектах оно устойчиво росло¹. Следует также отметить, что на фоне фиксируемого уменьшения числа отдельных видов преступлений их общественная опасность возрастает либо остается стабильно высокой. Например, если в 2012 г. с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище совершалось 7,2 % разбойных нападений, то в 2017 г. их стало уже 10,3 %; увеличилось количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, с 26,0 тыс. в 2014 г. до 28,9 тыс. в 2017 г. (+3,3 %); на 3,7 % возросло число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков².

Результаты ряда проводимых исследований также говорят о том, что фактическая преступность в течение последних лет приростала в среднем на 2,4 % ежегодно [2, с. 172]. Данный факт наталкивает на мысль о том, что якобы намечившееся улучшение криминологической ситуации не является следствием принимаемых мер, а обусловлено хитростями статистической отчетности [3, с. 3]. Это предположение подтверждает выступление на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 23 апреля 2013 г. генерального прокурора России Ю. Чайки. В представленном докладе Ю. Чайка отмечал выявленные в ходе прокурорских

¹ Состояние преступности. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.

² Там же.

проверок массовые искажения сведений, содержащихся в документах статистической отчетности, представляемых следственными подразделениями. По его словам, в ходе проводимых проверок прокуроры сталкивались с изощренными проявлениями искажения статистики, вплоть до фальсификации своих подписей в статкарточках, а в Москве вообще отмечалось применение шпионских технологий: проверяемые статистические карточки были заполнены специальными чернилами, позволявшими после подписания их прокурором удалить первичный текст и внести любые изменения. Таким способом можно на бумаге победить и организованную преступность, и коррупцию [4]. В данном контексте вспоминаются рассуждения известного криминолога Г. Шнайдера, который, размышляя о противоречивости и странностях статистики, отмечал, что официальная уголовная статистика представляет собой используемое органами социального контроля средство самооправдания перед общественностью и влияния на нее [5, с. 112–146].

Мы разделяем мнение многих ученых, считающих, что весьма далекое от желаемого состояние правопорядка в России обусловлено отсутствием грамотной уголовной политики, являющейся ключевым звеном государственной деятельности в данном направлении. Несмотря на то что всех государственных возможностей влияния на состояние правопорядка в стране уголовная политика не исчерпывает, тем не менее именно ей принадлежит наиболее заметная роль в борьбе с преступностью.

Различие концептуальных подходов в организации этой борьбы порождает неодинаковые результаты. В настоящее время сравнительно высокий уровень преступности фиксируется в государствах «западной демократии», в мусульманских странах она характеризуется наиболее низкими цифровыми показателями. Относительно невысокие показатели преступности наблюдаются в государствах дальневосточной правовой семьи [1, с. 101]. В.В. Лунеев по этому поводу говорит, что современный социум оказался в своеобразном криминальном капкане. В отличие от тоталитарного государства, в котором глушится любая активность, и в первую очередь криминальная, современное демократическое государство, основанное на либеральных идеях, предполагает максимальное соблюдение

прав и законных интересов человека и гражданина, создавая более благоприятные условия для криминальной активности [6, с. 860]. Следовательно, либеральное общество рано или поздно вполне может прийти к диктатуре преступности, которая представляет собой не меньшую (а возможно, и большую) опасность, чем диктатура тоталитаризма. Эту тенденцию в государствах «западной демократии» пытаются изменить путем реализации уголовной политики, основанной на жестком прагматизме, предполагающем достижение необходимого результата даже в ущерб декларируемым либеральным ценностям. Так, в ФРГ действующее законодательство, направленное на борьбу с преступностью, подчинено генеральной идее, согласно которой органы правопорядка могут по собственному усмотрению применять меры, ограничивающие права и свободы граждан в случае возникновения опасности либо создания помех общественному порядку и общественной безопасности [7, с. 48].

Именно категория целесообразности, столь критикуемая в отечественной уголовно-правовой доктрине, явно доминирует по отношению к другим началам (прежде всего к законности) как при формировании правовых предписаний, так и в процессе их непосредственного применения. На это указывает наличие у правоприменителя возможности, например, назначать наказание в рамках неопределенных приговоров или применять продленные сроки наказания. Так, согласно уголовному законодательству США, если виновный в третий раз совершает насильственное преступление, то оно должно быть последним и для виновного, и для общества. Такой человек должен осуждаться либо на длительный срок лишения свободы, либо пожизненно [8, с. 103]. К слову, в Англии превентивное заключение и продленные сроки лишения свободы в отношении так называемых привычных, или упорных, преступников применяются еще с 1908 г. [9, с. 95]. Интересно, что установление конкретных сроков пребывания осужденных в местах лишения свободы зависит не столько от характеристики совершенного противоправного деяния, сколько от степени опасности личности преступника.

На объективное желание оградить общество от лиц, совершающих преступления, указывают и иные меры, используемые в этой сфере. В частности, речь идет о кастрации, применяемой к лицам, совершившим насильственные

сексуальные преступления³. Хирургическая кастрация как одно из средств предупреждения преступлений, совершаемых на сексуальной почве, использовалась даже в таких традиционно благополучных странах, как Швейцария (начиная с 1892 г.), США, Норвегия, Швеция, Финляндия, Эстония, Исландия, Латвия и т.д. Так, в Дании в 1929–1959 гг. данное средство было применено к 738 преступникам; в Германии с 1955 по 1977 г. — в 800 случаях; в Нидерландах с 1930 по 1969 г. — 400 раз [10, р. 106].

Подобные меры так или иначе направлены прежде всего на обеспечение безопасности общества. Они, безусловно, выходят за рамки принципа законности, хотя явно целесообразны, эффективны и совершенно необходимы для получения требуемого результата [11, S. 108].

Подобная политика, реализуемая в ряде стран, базируется на доктрине сильного государства, оказывающего решительное противодействие криминальной деятельности. В отличие от политики, проводимой в отношении криминальной сферы современного российского общества, лишенной четких и внятных ориентиров, традиционный западный прагматизм, лежащий в основе уголовной политики, направляет ее на достижение конкретных целей — предупреждение самой возможности совершения лицом новых преступлений. Безусловно, такая политика выполнима только в условиях сильного государства.

Возвращение к концепции сильного государства чрезвычайно важно для России, учитывая то, что если в обществе со слабыми традициями самоорганизации, но в то же время с сильными традициями государственного патронажа (каковое и есть в России) возникает вакуум легитимной власти, то его заполняет власть криминальная или полукриминальная [12, с. 31].

К сожалению, есть основания констатировать, что реализуемая в настоящее время в России модель уголовной политики не в состоянии решать существующие криминологические проблемы, а предпринимаемые усилия по ее модернизации носят преимущественно косметический характер, не меняя ее сущности. Полагаем, что сложившаяся сегодня в России криминологическая ситуация требует существенной коррекции правовой политики, проводимой в отношении

криминальной сферы путем формирования ее идеологии с учетом объективных реалий.

Оценивая современное состояние российской уголовной политики как кризисное, мы считаем, что этот кризис в первую очередь идеологический, идейный. Современное российское общество лишено идеологической основы, которая имела бы статус государственной. Более того, с начала 1990-х гг. делалось все для того, чтобы опорочить систему духовно-нравственных ценностей, вокруг которых преимущественно и строилось правовое воспитание населения. В результате произошла целенаправленная деидеологизация всех слоев общества и сфер его жизнедеятельности [13, с. 325; 14].

Отказ от идеологии, на которой длительное время основывалась отечественная уголовная политика, при отсутствии адекватной альтернативы породил ее бессистемность и даже определенную хаотичность. Как следствие, реализуемая уголовная политика, не имея целостного идеологического фундамента, представляет собой не целенаправленный курс, которым следует государство, а, скорее, конвульсивную реакцию на возникающие угрозы криминального характера.

В силу ряда объективных причин в России сегодня вопрос формирования правовой политики в отношении криминальной сферы обострен вследствие поляризации мнений по поводу того, должен ли данный процесс идти на основе коренной модернизации ее идеологических основ либо ее необходимо выстраивать на основе сложившихся традиций. При этом в свете данной научной полемики понятия «традиция» и «модернизация» рассматриваются как антагонистические. С понятием модернизации, как правило, ассоциируется заимствование зарубежного опыта, а под традицией подразумевается путь развития, основанный на национальном фундаменте.

К сожалению, отрицание собственного опыта борьбы с преступностью в пользу готовых рецептов в виде рожденных на Западе теорий превратилось в ведущее направление государственной политики. В научной литературе стало признаком хорошего тона придерживаться либерально-демократической идеологии как единственно верной. Это сопровождается систематическим внедрением в сознание людей мысли об отсталости России, ее правовой ущербности по сравнению с «цивилизованным миром», необходимости перенимания «пере-

³ США данный способ уголовно-правового воздействия начал применяться с 1995 г., в Англии — с 2007 г. URL: http://vAvw.newsru.com/crime/13jun2007/pedo_castr.html.

дового опыта», так как существует только один универсальный общечеловеческий путь развития (под которым, естественно, понимается западный образец). Нам представляется, что волна механического заимствования чуждых и непонятных для традиционного общественного сознания идей оказала и продолжает оказывать весьма негативное влияние на состояние правопорядка в стране.

Наше государство исторически возникло на системе обязанностей, возложенных на личность, и до сих пор продолжает существовать на идее обязательств и (или) системе евангельских заповедей. Однако эта фундаментальная основа размывается ценностями бесконтрольного либерализма, который не только утверждает вседозволенность во всех жизненных сферах, но и навязывает такую идеологию в качестве единственно возможной. «Либеральная идея, — справедливо отмечает митрополит Кирилл, — несет нравственное раскрепощение греховному человеку, реализует греховный потенциал личности. И в этом смысле либеральная идея является антихристианской, ибо диаметрально противоположна христианской идее» [15, с. 44–45]. В условиях отсутствия контроля со стороны сильного государства такая идеология воспроизводит преступность все в больших масштабах. Особую опасность это представляет в эпоху глобализации, когда экономический прагматизм стал доминирующим критерием общественных отношений, а моральные принципы уже не составляют аксиологического каркаса современного либерального общества. Как следствие, в рамках господствующей идеологии неконтролируемого либерализма стало возможным практически беспрепятственное насаждение разрушительных идей посредством современных информационных технологий. Одним из примеров является так называемое окно Овертона, представляющее собой концепцию, использование которой позволяет манипулировать сознанием, насаждать любую идею.

Весьма наглядно это можно проиллюстрировать на примере легализации гомосексуализма в современном западном обществе. Данная патология хотя и была присуща человечеству всегда, тем не менее с нравственных позиций считалась весьма постыдным явлением и всячески осуждалась церковью. Однако на рубеже веков (время расцвета идеологии либерализма) ситуация стала постепенно меняться. Сначала то, что никогда ранее не являлось предметом пу-

бличного обсуждения, стало освещаться в СМИ. В материалах печати, радио и телевидения продвигалась мысль о том, что гомосексуализм не патология, а вполне себе естественное отклонение сродни различиям в размерах частей человеческого тела. А так как невозможно осуждать людей за высокий рост, то и гомосексуализм не является поводом для этого, учитывая, что и то, и другое обусловлено генетически. Тем самым постепенно в сознание внедрялась мысль, что гомосексуализм вполне естественная человеческая черта. Дальше — больше. Со временем появилась информация, что многие выдающиеся представители человеческой культуры были сторонниками однополых отношений. Затем последовали признания политиков, шоу-звезд и других известных людей в нетрадиционной сексуальной ориентации. Всерьез стал рассматриваться вопрос взаимозависимости гомосексуализма и уровня интеллектуального развития. Публикуются результаты неких исследований, якобы подтверждающих, что IQ у представителей ЛГБТ существенно выше, нежели у остальных людей.

Апофеоз — это принятие законов, гарантирующих гомосексуалистам полную свободу распространения своих идей. Любой голос против клеймится как посягающий на свободу и права человека. Их называют человеконенавистниками и людьми ограниченного умственного диапазона.

В результате то, что еще несколько десятилетий назад считалось немыслимым, сегодня является нормой. Безграничная толерантность современного общества приводит к тому, что в защиту прав гомосексуалистов учреждаются разные движения. В обществе уже нет силы, способной противостоять подкрепленному законом безумию. В настоящий момент аналогичные действия наблюдаются в отношении таких патологий, как наркомания, педофилия и пр.

Ни для кого не секрет, что потакание дурным наклонностям — наихудший способ воспитания. В рамках государственной политики данный тезис означает, что власть, реагируя на отклоняющееся поведение, должна способствовать проявлениям добродетели путем ее поощрения и поддержки, в противном случае она создает условия для преступных проявлений. Бесконтрольный либерализм в политике, осуществляемой в отношении криминальной сферы общества, основанный на признании личности центром мироздания, стимулирует

негативные девиации, ведет к отрицанию нравственных императивов, приданию моральным запретам характера условности. Юридический закон выступает единственным ограничителем действий индивида, порождая раздутость законодательства в современном обществе при одновременном отсутствии в нем стройных, согласованных логических и нравственных оснований. Как следствие, государство вынуждено издавать огромное количество юридических актов (что называется, на все случаи жизни).

Полагаем, что путь, выражающийся в абсолютизации роли права как регулятора общественных отношений, неприемлем в условиях современной российской действительности. Постоянное и интенсивное наращивание нормативных правовых актов, стремление подвергнуть правовому регулированию все стороны жизни не имеют перспективы, если они не опираются на нравственные традиции, менталитет населения. Напротив, в этом случае подрывается авторитет законов, они легко нарушаются. В данном контексте И.Я. Козаченко справедливо отмечает, что в России «уголовный закон не сможет эффективно работать, если не будет опираться, прежде всего, на нравственно-психологический и религиозный регуляторы» [16, с. 24].

В отличие от западной цивилизации, успешно заменившей мораль правом, православная цивилизация всегда отдавала приоритет нравственным нормам. Российское правосознание на протяжении веков формировалось не под воздействием диктата юридической формы, а на духовно-религиозной основе, находя выражение в социальных, религиозных и специфических юридических памятниках, отличавшихся большой пластичностью и вследствие этого сохранявших значение на протяжении длительного времени. В России издавна сформировались свои традиционные механизмы, для которых характерен мощный слой поднормативного регулирования. Это означает, что право (закон) должно не подменять собой морально-этические нормы, являющиеся непосредственным выражением менталитета нации, а развивать их, поскольку христианская этика гораздо масштабнее этики права. Мы солидарны с точкой зрения В.Н. Кудрявцева, который абсолютно верно отмечает, что не следует переоценивать возможности влияния права на поведение людей и их общественные отношения, поскольку оно только обозначает им границы и рамки, необходимые для господствующего класса

[17, с. 26]. «Правовые нормы после их издания только номинально считаются регуляторами поведения людей. Реально они станут таковыми, только пройдя вместе с моральными нормами через психологический механизм адресатов» [18, с. 88]. Тем более что в правосознании россиян нравственность в целом всегда доминировала над правом. Неслучаен же крик души русского человека: «Суди нас не по закону, а по справедливости!» Эту особенность русской ментальности не смогли изменить ни российские самодержцы, ни идеологи коммунизма.

Глобализация разрушила ментальную, религиозную и культурную традицию, а корпоративное манипулирование индивидуальным и общественным сознанием привело к деградации моральной упречности. Понятие моральной упречности, которое, согласно кантовскому нравственному императиву, есть суть, квинтэссенция правовой реальности, повсеместно изгоняется из формализованных правовых норм. Выведение права за границы нравственности в итоге означает подмену первым второго. В результате государство сталкивается с необходимостью юридической регламентации тех ситуаций, которые традиционно решались на основе морально-этических норм. Вполне очевидна абсурдность такого подхода, поскольку он требует значительных и абсолютно не обоснованных затрат. Тем не менее, судя по всему, этот путь сейчас многим представляется наиболее соответствующим доктрине правового государства, о чем свидетельствует огромное число законопроектов, рожденных в Государственной Думе, в которых осуществляется попытка юридически регулировать моральное (и аморальное) поведение. А ведь гораздо экономичнее (и нравственнее!) укреплять и поддерживать те нравственно-этические нормы, которые характерны для традиционного (в этом смысле) общества. Если государство стремится обеспечить правопорядок, то оно обязано укреплять нравственность. В противном случае целенаправленно стимулируются причины преступности.

Аксиоматично, что безнравственность даже в условиях материального благополучия детерминирует криминальное поведение. Так, И.И. Карпец отмечал: «Неблагополучие в социальной сфере бытия человека напрямую связано с аморализмом в обществе, а значит, и с преступностью, ибо в конечном счете каждое преступление аморально» [19, с. 237–238]. Исходя из этого вполне логичным представляется

требование о необходимости учета норм нравственности в ходе процессов криминализации и декриминализации деяний. Об этом писал и В.Н. Кудрявцев, отмечая, что если закон расходится с общественной нравственностью, то вынужденная декриминализация неизбежна, поскольку такой закон не будет выполняться значительной частью населения [20, с. 104]. Сходной позиции придерживается С.В. Тасков, подчеркивая, что эффективность уголовно-правовых норм во многом зависит от того, как общество относится к запрещаемому законом деянию, поскольку нормы не будут действовать или будут действовать неэффективно, если они не согласуются с общественным мнением и нормами нравственности. Поэтому чем шире будет нравственная основа уголовного права, тем выше будет его эффективность [21, с. 8–11].

Исходя из вышеизложенного представляется очевидным, что правовая политика в отношении криминальной сферы России должна сохранять присущие ей национальные особенности, а содержание ее идеологического начала должно отвечать в первую очередь базовым ценностям, сформировавшимся в обществе на протяжении тысячелетий. Полагаем, что идеологическая основа эффективной правовой политики в отношении криминальной сферы общества должна предусматривать следующие принципиальные положения:

1. Право (закон) должно не подменять собой морально-этические нормы, являющиеся непосредственным выражением менталитета нации, а развивать их. Проведенные автором исследования доказывают, что в условиях России попытки подменить морально-этические установки принимаемыми в узкокорпоративных интересах правовыми конструкциями стимулируют рост правового нигилизма и являются мотиватором криминального поведения.

2. Выстраивание разумной иерархии правоохраняемых ценностей, что предполагает отказ от приоритета интересов личности в пользу государственных интересов, так как с признанием идеологии необходимым условием формирования современной правовой политики в отношении криминальной сферы очевиден вывод о первостепенности государственного начала. Именно государство формирует и продвигает основополагающую идеологию, служащую фундаментом принимаемых и реализуемых официально-властных установок. Права человека могут быть гарантированы только в усло-

виях сильного государства, которое в состоянии управлять обществом и позитивно воздействовать на личность.

3. Возврат к принципу равенства перед законом, характерному для российского права, основанного на всеобщей уголовной ответственности. Современная практика выделения привилегированных субъектов уголовной ответственности не соответствует российскому правосознанию и вряд ли может быть успешно легитимизирована. Это дает отрицательный эффект, способствуя отчуждению граждан от государства.

4. Поддержание обратных связей между государством и обществом, что подразумевает взаимодействие и взаимопонимание между властью и обществом. Условием эффективности осуществления государством своих властных полномочий в любой сфере является поддержка обществом инициатив государства. Власть формулирует идейные основы борьбы с преступностью, но запрос на них идет от общества. Политическое искусство власти заключается в том, чтобы уловить этот запрос и дать ему позитивное воплощение в проводимой политике.

5. Приоритет предупредительных мер, означающий, что государственная политика в отношении криминальной сферы в первую очередь должна опираться не на некий совершенный уголовный закон (которого никогда никому не удавалось создать), а на меры, способствующие нравственному и экономическому развитию общества. Правоохранительные органы государства способны ловить и изолировать преступников, но по-настоящему бороться с преступностью, а тем более поставить под контроль общества криминальную сферу, они не в состоянии. Вывод очевиден: интересы общества будут в большей сохранности не в случае поимки и наказания максимально большего числа преступников, а в случае максимального снижения количества совершаемых преступлений и, как следствие, сокращения числа преступников.

Представляется, что наряду с традиционными средствами воздействия на криминальную сферу целесообразно использовать растущую популярность религии и влияние церкви, которое она имеет на людей. Обращение к нравственным аспектам преступления и наказания позволит обеспечить более глубокое проникновение уголовного права в общественное и индивидуальное правосознание и в итоге будет способствовать, вполне вероятно, эффективно-му применению закона.

1. Клейменов И.М. Борьба с преступностью в государственных правовых системах (сравнительное исследование) : дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.М. Клейменов. — Омск, 2002. — 226 с.
2. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / М.В. Бавсун. — Омск, 2013. — 248 с.
3. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. — Москва : Юнити-Дана, 2011. — 839 с.
4. Чайка Ю.Я. О состоянии законности и правопорядка в 2012 году и о проделанной работе по их укреплению : докл. Генер. прокурора Рос. Федерации на заседании Совета Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации // Генеральная прокуратура РФ. — URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1366820%D0%94%D0%B0%D1%82%D0%B0> (дата обращения: 11.05.2017).
5. Шнайдер Г. Криминология / пер. с нем. Ю.А. Неподаева ; под ред. Л.О. Иванова. — Москва : Прогресс : Универс, 1994. — 501 с.
6. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Волтерс Клувер, 2005. — 868 с.
7. Schenke Wolff-Ruedinger. Polizei — Und Ordnungsrecht / Wolff-Ruedinger Schenke. — Heidelberg, 2002. — 376 p.
8. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. — Москва : Омега-Л, 2003. — 576 с.
9. Уголовное законодательство зарубежных стран : сб. законодат. материалов / под ред. И.Д. Козочкина. — Москва : Зерцало, 2001. — 352 с.
10. Managing High-Risk Sex Offenders in the Community / ed. K. Harrison. — Portland : Taylor & Francis Group, 2010. — 336 p.
11. Maurer H. Allgemeines Verwaltungsrecht / H. Maurer. — München : Beck, 1992. — 748 S.
12. Кива Л.В. Криминальная революция: вымысел и реальность? / Л.В. Кива // Общественные науки и современность. — 1999. — № 3. — С. 25–37.
13. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России / Я.А. Пляйс. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 446 с.
14. Угланов А. Человек без идеи — обезьяна в костюме / А. Угланов // Аргументы недели. — 2011. — 2 февр.
15. Кирилл. Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь. — Москва : Данилов. благовестник, 2002. — 141 с.
16. Козаченко И.Я. Закон идеологии и идеология закона / И.Я. Козаченко // Российский юридический журнал. — 2008. — № 4 (61). — С. 23–27.
17. Кудрявцев В.Н. Право и поведение / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Юрид. лит., 1978. — 191 с.
18. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права / В.В. Лазарев. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. — 143 с.
19. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. — Москва : Рос. право, 1992. — 431 с.
20. Кудрявцев В.Н. Криминология и проблемы декриминализации / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов // Журнал российского права. — 2005. — № 4 (100). — С. 103–107.
21. Тасаков С.В. Нормы нравственности как социальный фундамент уголовного права / С.В. Тасаков // Уголовное право. — 2005. — № 12. — С. 8–11.

1. Kleimenov I.M. *Bor'ba s prestupnost'yu v gosudarstvakh razlichnykh pravovykh sistem (sravnitel'noe issledovanie)*. Kand. Diss. [Fighting crime in the countries with different legal systems (a comparative study). Cand. Diss.]. Omsk, 2002. 226 p.
2. Bavsun M.V. *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii*. Dokt. Diss. [Criminal Legal Impact: Ideology, Goals and Means of Implementation. Doct. Diss.]. Omsk, 2013. 248 p.
3. Inshakov S.M. (ed.). *Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoi prestupnosti* [Theoretical Elements of Research and Analysis of Latent Crime]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2011. 839 p.
4. Chaika Yu.Ya. On the state of law and order in 2012 and on the work done to strengthen them. *General'naya prokuratura RF = The Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. Available at: [https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1366820\(%D0%D0%B0%D1%82%D0%B0](https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1366820(%D0%D0%B0%D1%82%D0%B0). (In Russian).
5. Schneider H.J. *Criminology*. Berlin, Walter de Gruyter, 1986. 117 S. (Russ. ed.: Schneider H.J.; Ivanov L.O. (ed.). *Kriminologiya*. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994. 504 p.).
6. Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka. Miroye, regional'nye i rossiiskie tendentsii* [Criminality of the XX Century: World, Regional and Russian Tendencies]. 2nd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 868 p.
7. Schenke Wolff-Ruedinger. *Polizei — Und Ordnungsrecht*. Heidelberg, 2002. 376 p.
8. Kozochkin I.D. (ed.). *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Foreign Countries. General Part]. Moscow, Omega-L Publ., 2003. 576 p.
9. Kozochkin I.D. (ed.). *Ugolovnoe zakonodatel'stvo zarubezhnykh stran* [Criminal Legislation of Foreign Countries]. Moscow, Zertsalo Publ., 2001. 352 p.
10. Harrison K. (ed.). *Managing High-Risk Sex Offenders in the Community*. Portland, Taylor & Francis Group, 2010. 336 p.
11. Maurer H. *Allgemeines Verwaltungsrecht*. München, Beck, 1992. 748 S.
12. Kiva L.V. Criminal Revolution: Fiction and Reality? *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Science and Modernity*, 1999, no. 3, pp. 25–37. (In Russian).
13. Plyais Ya.A. *Politologiya v kontekste perekhodnoi epokhi v Rossii* [Political Science within the Framework of Transitional Period in Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 448 p.

14. Uglanov A. A man without an idea is a monkey in costume. *Argumenty nedeli = Arguments of the Week*, 2011, February 12. (In Russian).
15. Kirill. *Vyzovy sovremennoi tsivilizatsii. Kak otvechaet na nikh Pravoslavnaya Tserkov'* [Challenges to the Modern Civilization. How the Orthodox Church Meets them]. Moscow, Danilovskii Blagovestnik Publ., 2002. 141 p.
16. Kozachenko I.Ya. Law of Ideology and Ideology of Criminal Law. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2008, no. 4 (61), pp. 23–27. (In Russian).
17. Kudryavtsev V.N. *Pravo i povedenie* [Law and Behavior]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1978. 191 p.
18. Lazarev V.V. *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty primeneniya prava* [Social and Psychological Aspects of Law Application]. Kazan University Publ., 1982. 143 p.
19. Karpets I.I. *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [Crime: Illusions and Reality]. Moscow, Russian Law Publ., 1992. 431 p.
20. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Criminology and Problems of Decriminalization. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2005, no. 4 (100), pp. 103–107. (In Russian).
21. Tasakov S.V. Norms of Morality as a Social Foundation of the Criminal Law. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2005, no. 12, pp. 8–11. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акимова Наталья Викторовна — доцент кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: a.n.w@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akimova, Natalia V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Ph.D. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: a.n.w@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Акимова Н.В. К вопросу о формировании идеологических основ правовой политики в отношении криминальной сферы российского общества / Н.В. Акимова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).782-790 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 5. — С. 782–790.

FOR CITATION

Akimova N.V. To the question of building an ideological basis of the legal policy for the criminal sphere of Russian society. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 782–790. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).782-790. (In Russian).